

Чарская Лидия Алексеевна

Виновна, но

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Виновна, но / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 233 с.

ISBN 978-5-521-29830-3

ISBN 978-5-521-29830-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Femina sum et gloriior hoc.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Паспортъ, деньги, аккредитивъ... Вы ничего не забыли, Листикъ?

На блѣдную до неузнаваемости Лерскую устремлены два внимательные, тоскующіе глаза. Склонившееся къ ней лицо полно нѣжности и заботы.

— Женья, голубчикъ! Сохраните мнѣ Нату, а все остальное—чушь и пустяки.—Лерская живо откидываетъ вуаль и протягиваетъ руки: одну — высокому студенту съ красивымъ, энергичнымъ, одухотвореннымъ лицомъ, другую — тоненькой двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ съ недѣтски серьезнымъ взглядомъ глазъ подъ высоко поднятыми бровями.—Сохраните мнѣ Нату, ради всего святого сберегите мнѣ ее!—шепчетъ совсѣмъ тихо Лерская, сжимая исхудалыми пальцами сильную руку студента и нѣжнымъ движеніемъ свободной руки притягивая къ себѣ дочь.

— Зачѣмъ вы это повторяете, Ина?.. Листочекъ мой! Вы же знаете, что я живу исключительно для васъ и ради

васъ. Буду беречь ваше сокровище пуще глаза.—Подъ черными усами студента мелькаетъ тѣнь, подобіе улыбки, и пропадаетъ въ тоскующемъ взглядѣ горящихъ печалью глазъ.—Листикъ мой, Листикъ! Уѣзжаетъ отъ насъ мальчикъ милый!—уже совсѣмъ шепотомъ добавляетъ онъ.

— Мамочка! Мамочка! Смотри! Въ ресторанъ-вагонѣ два поваренка ѣдутъ! Гляди: маленькіе, смѣшные!

Голосокъ Наты дисгармонируетъ съ ея внѣшностью. Фигурка дѣвочки сильна и крѣпка не по годамъ, а звукъ голоса тонокъ какъ у ребенка.

— Вижу, милушка моя, вижу! — бросаетъ Лерская и спѣшно прибавляетъ: — до Вержболова приплю от-крытки съ нашими русскимм марками. Изъ Берлина длинное письмо. Только и вы пишите: одинъ день Ната, другой—вы, Женья.

— Конечно, Листикъ, конечно!

Эти нѣжныя наименованія „Листикъ“ и „мальчикъ“ удивительно гармонируютъ съ внѣшностью женщины. Она хрупка, какъ листъ, оторванный бурей, а послѣ пережитой опасной болѣзни кажется еще болѣе хрупкой со своимъ лицомъ пожившаго мальчишки, задорнымъ и вдохновенно задумчивымъ въ одно и то же время, съ трагической складкой между бровей и внимательными ищущими глазами. Смѣсь много пережившаго на своемъ вѣку человѣка и духовно-нетронутаго въ тоже время, далеко не растратившаго своихъ силъ, существа, — вотъ чѣмъ вѣдетъ отъ всей ея высокой, тонкой фигуры, отъ блѣднаго, усталого съ преждевременными морщинками

на лбу лица. Это лицо силится скрыть всѣми силами обуревающую душу его владѣлицы муку.

Все происходящее сейчасъ съ нею кажется Лерской страннымъ, тяжелымъ кошмаромъ, ненужнымъ и пустымъ. И длинная платформа Варшавскаго вокзала съ безсмысленно снующей по ней толпой ѣдущихъ и провожающихъ, и сама она въ дорожномъ костюмѣ съ традиціонной сумочкой черезъ плечо, и черноброевое лицо поляка-проводника, съ преувеличеннымъ рвеніемъ устроившаго ее только что въ дамское купе вагона по плацкартѣ, и эти розы въ рукахъ Евгенія, которыя онъ привезъ для нея.

— Бога ради берегите себя, мальчикъ! Не кушайте вы въ ресторанъ-вагонѣ всякой дряни! Лучше вмѣсто обѣдовъ заказывайте что-нибудь по картѣ. И въ Берлинѣ не спрыгивайте на-ходу съ трамваевъ. Впрочемъ, кажется, тамъ это запрещено, штрафуютъ. Хоть тутъ-то спокойствіе.

Евгеній Александровичъ Нераевъ говоритъ нервно, точно сердится, но его глаза, великолѣпные, черные, блестящіе, какъ черный жемчугъ, глаза полны невыразимой нѣжности, любви и заботы къ ней, къ этой тоненькой женщинѣ съ внѣшностью усталого мальчугана.

— Буду, буду беречься, Женя. Полно ужъ! Не пишите!..

— Второй звонокъ. Слышите? Приглашаютъ садиться въ вагоны!—звучитъ небрежно и весело голосъ гвардейскаго офицера въ толпѣ провожатыхъ, окружающихъ какую-то пикантную дамочку въ огромной, эксцентричной шляпѣ.

Здѣсь много военной молодежи, смѣха, шутокъ и цвѣтовъ. Дамочка наскоро подставляетъ губамъ мужчинъ свои маленькія ручки, затынутыя въ щегольскія перчатки, и вскакиваетъ въ вагонъ.

— Простимся, милые! — беззвучно роняютъ губы Лерской, и она судорожно обнимаетъ голову дочери. — Дѣтка моя... Слушайся дядю Женью, фрейлейнъ. Береги себя!.. Чуть ноги промочишь, сейчасъ же натри одеколономъ. Слышишь? Женья, не забудьте: по утрамъ Натѣ кефиръ. Изъ сладкаго она любитъ абрикосовый пать и шоколадъ Гала-Петеръ послѣ обѣда. Я уже дала инструкции Эммѣ. Да, экзамены подойдутъ, не позволяйте ей учиться по ночамъ. И на дачу переѣзжайте скорѣе, дорогіе... Да... Къ заутрени въ гимназическую церковь идите... Ната пусть въ бѣломъ вуалевомъ платьѣ...

Слова срываются отрывисто, быстро, но еще быстрѣе, еще отрывистѣе горячіе, изступленные, материнскіе поцѣлуи.

Ната не умѣетъ ласкаться. У нея не-дѣтски замкнутая натура, но сейчасъ дѣвочка потрясена. Она жметъ, какъ котенокъ, къ матери, украдкой ловить, цѣлуетъ ея пальцы и шепчетъ:

— Мамошка, береги себя, пожалуйста, береги!

Съ трудомъ отрывается Лерская отъ дочери, смотритъ на поблѣднѣвшее личико Наты, быстро, судорожно креститъ и цѣлуетъ снова. Потомъ она обращается къ студенту:

— Женья... голубчикъ... Того, что вы сдѣлали для меня, я никогда не забуду!—и прежде, чѣмъ онъ успѣ-

ваеъ опомниться, отвѣтить что-либо, двѣ тонкія руки Лерской падаютъ ему на плечи, а вздрагивающія отъ волненія губы прижимаются къ его лбу.

— Господа, занимать мѣста просятъ! — прерываетъ этотъ моментъ прощанья рѣзкій голосъ кондуктора.

Сильная рука Нераева беретъ подъ локоть Лерскую, легкій прыжокъ—и она уже на площадкѣ вагона.

— Мамочка! Мамочка!—лепечетъ Ната, и ея взглядъ тянется къ матери.

Третій звонокъ... Свистокъ, легкое колебаніе, толчекъ назадъ, и медленно начинается поѣздъ.

Затуманенными глазами смотритъ Лерская на то мѣсто платформы, гдѣ только что стояли дорогіе ей люди. Ихъ уже нѣтъ тамъ. Какая-то старушка въ траурѣ и маленькій пажъ машутъ платками кому-то, находящемуся въ сосѣднемъ купе.

Съ оборвавшимся сердцемъ Лерская спѣшитъ къ окну. Въ душѣ одно желаніе, острое до боли, до физической муки: увидѣть еще разъ ихъ обоихъ.

Медленно, какъ ползущій гигантскій червь, тянется поѣздъ. За холоднымъ стекломъ мелькаютъ люди, чужія лица, весенніе костюмы, шляпы, военныя и штатскія пальто, фуражки, котелки и цилиндры, и все это сплошь залито апрѣльскимъ солнцемъ.

„Гдѣ же они? Милые, гдѣ?“—щемитъ Лерскую болѣзненная мысль обманутаго ожиданія.

Вотъ, наконецъ-то! Ната! Женья!

Вся душа женщины переселяется въ ея взглядъ.

Глаза впились въ дорогія ей лица; однимъ общимъ взглядомъ она обнимаетъ обоихъ.

Нераевъ съ дѣвочкой стоятъ на самомъ концѣ платформы. Личико Наты растерянно и расползлось въ жалкую дѣтскую гримасу, сисяющуюся удержатъ слезы. Нераевъ сорвалъ съ головы фуражку; его лицо залито слезами. Полны ими и его черные, прекрасные, тоскующіе глаза.

Что-то больно и ѣдко кусаетъ сердце Лерской. Судорожный клубокъ давитъ горло и, задержавъ черезъ силу готовый сорваться стонъ, она бросается въ уголъ дивана и тихо, беззвучно плачетъ.

* * *

Поездъ, именуемый громкимъ именемъ экспресса, поражаетъ своей медлительностью. Проѣхали Гатчину, Сиверскую, Лугу... Предъ Псковомъ заглянула въ купе бритая фізіономія офіціанта, предложившаго карточку обѣда.

Въ окнѣ, около котораго приспособилась Лерская, бѣгутъ однообразныя картины,—непрерывныя извилины холмовъ, поля, пасущіяся на нихъ стада, дальше—только что засѣянные хлѣбами нивы. Лерская смотритъ на все затуманенными отъ слезъ глазами, видя и не видя давно знакомый ландшафтъ. Предъ нею неотступно стоитъ другое—растерянное личико ея дѣвочки и залитое слезами лицо Нераева.

— Вамъ, кажется, нехорошо? Могу я предложить вамъ капель?

Она быстрымъ усиліемъ воли подавила въ себѣ приступъ отчаянной тоски и подняла голову. Предъ нею пожилое, полное лицо съ прядью сѣдѣющихъ волосъ надъ лбомъ и крупная фигура въ дорожномъ, широко сшитомъ, удобномъ платьѣ.

— У меня всегда капли съ собою... валерьянка. Сейчасъ прикажу принести воды проводнику. Выпьете — легче станетъ!

Дама хлопотливо ищетъ въ дорожной сумкѣ и черезъ минуту капли уже на маленькомъ складномъ вагонномъ столикѣ предъ Иной.

— Боже мой! Ваши розы совсѣмъ завяли!—послышался другой голосъ, болѣе молодой и звонкій, изъ противоположнаго угла купе, и Ина увидѣла молоденькую дамочку въ эксцентричной шляпѣ, ту самую, которую провожала на вокзалѣ толпа молодежи.

Она быстро нагнулась къ лежащему на диванѣ букету Ины и съ наивной озабоченностью стала расправлять длинные помятые стебли цвѣтовъ.

Ина покорно выпила поданныя ей капли, поблагодарила пожилую сосѣдку, улыбнулась эксцентричной дамочкѣ и почувствовала необходимость слышать участливый женскій голосъ и хоть немного развѣять острый приливъ тоски.

— Вамъ нездоровится?—помолчавъ немного, обратилась снова къ Лерской ея пожилая спутница.

— Да, боль въ поясницѣ... Не мудрено!.. Вѣдь я только что съ постели: вынесла тяжелое воспаленіе брюшины. Буду долечиваться на грязи... въ Франценсбадъ.

— Ахъ, и я туда же! Какой великолѣпный случай! Поѣдемъ вмѣстѣ!—оживилась эксцентричная дамочка.— Зинаида Аркадьевна Клокъ. Познакомимся.

— Ина Лерская!

— Какъ? Неужели? Вы—Ина Лерская? Вы?—Эксцентричная шляпка заходила, заколебалась справа налево, а хорошенькое личико госпожи Клокъ засіяло отъ удовольствія.—Невозможно, душечка, я васъ совсѣмъ другой себѣ представляла... Думала—почтенная матрона, убѣленная сѣдинами, умудренная житейскимъ опытомъ, и вдругъ—вы... Барышня... тоненькая, молодая... Немножко старше своей сестренки... той, что на вокзалѣ!

— Увы! Я должна разочаровать васъ. Мнѣ уже тридцать три года, я—вдова, и дѣвочка, провожавшая меня,—моя дочь.

— Неужели? Неужели?—затрещала дамочка,—а я-то думала, барышню провожаютъ брать съ сестрою.

— Насчетъ перваго не ошиблись: студентъ — мой троюродный братъ.

— Но ваши фельетоны!.. Такъ могутъ писать только много пережившіе люди! Правда, молодо, сильно, сочно! Но какой опытъ и знаніе жизни! Поразительно!—не унималась хорошенькая Клокъ.

— Мои дочери съ ума по васъ сходятъ,—вмѣшалась въ разговоръ пожилая спутница Ины, — бредятъ вами. Онѣ — ваши горячія поклонницы и номера „Свѣтлаго Вѣстника“ у насъ не сходятъ со стола. Позвольте назваться: Анна Ильинична Ситина, представительница фирмы „Ситиной и дочерей“. Ёду ревизовать своего бер-

линскаго управляющаго, какъ ведетъ дѣло торговли подъ чужимъ небомъ. Рада познакомиться — очень рада!—роняла она, энергично трясая своей пухлой рукой тонкую руку Ины.

— Нѣтъ, просто удивительно! И подумать только!.. Ничего не подозрѣвая очутиться въ купе съ Лерской, кумиромъ нашей молодежи, редакторомъ „Свѣтлаго Вѣстника“, съ самой Лерской!—не унималась Клокъ.

— О, ради Бога! — болѣзненно поморщилась Ина, съ искреннимъ отчаяніемъ подумывая о томъ, что теперь она уже не будетъ имѣть ни минуты покоя ни здѣсь, ни въ Берлинѣ, ни въ далекомъ божественномъ курортѣ.

„Надо было назвать себя иначе, и дернуло же меня за языкъ некстати!“—волновалась она.

А хорошенькая Клокъ, обрадовавшись случаю, уже трещала о томъ, какъ она „удрала“ отъ мужа, спасаясь отъ его тиранства, пока временно только, но скоро надѣется это сдѣлать и совсѣмъ. Къ сожалѣнію, только онъ не далъ ей паспорта... Ну, да она надѣется и безъ паспорта „перескочить“ границу. Въ Вержболовѣ, въ таможенѣ, у нея знакомые служащіе, переведутъ, а вещи съ посыльнымъ перевезутъ въ телѣжкѣ. Разъ они уже сдѣлали точно такъ. И въ Вержболовѣ ротмистръ знакомый къ тому же... съ черненькими усиками... Прелесть!..

— Неужели же онъ арестуетъ меня?—со смѣхомъ заключила она.

Отъ этой полудѣтской, полупошлой болтовни у Лерской разболѣлась голова. Отъ толчковъ вагона заняла спина щемящей знакомой болью, не покидавшей ее все

последнее время. Чтобы отдѣлаться отъ черезчуръ словоохотливой собесѣдницы, она зѣвнула нѣсколько разъ подъ рядъ, сдѣлала тупо-безсмысленные глаза и прикурнула къ уголку вагона.

Зиночка Клокъ еще долго распространялась по поводу своей печальной судьбы съ тираномъ-мужемъ, потомъ проектировала будущее: какъ она разведется и поступить на сцену, непременно поступить. У нея талантъ. Она въ „Безприданницѣ“ играла и цыганскіе романсы поетъ чудесно.

— А вотъ писать ничего не могу, ни строчки даже, — сознавалась она, чистосердечно дѣлая наивные глаза и безпомощнымъ жестомъ вскидывая руки, — письмо составить и то наказанье: ужъ такая дура уродилась! Не взыщите! И откуда вы-то все берете?.. Идеи всѣ эти для своихъ фельетоновъ? Душечка, неужели выдумываете изъ головы?—заклчила она совсѣмъ уже наивно.

— Изъ головы,—сонно проронила Ина и закрыла усталые глаза.

* * *

Черезъ часъ Лерская сидѣла въ вагонъ-ресторанѣ за остывшимъ обѣдомъ и, по-прежнему, не отрываясь смотрѣла въ окно. Противъ нея помѣстилась Зиночка Клокъ, цѣлившая чуть подрисованными глазками въ какого-то эlegantнаго, красиваго нѣмца съ рыжими усами, занявшаго сосѣдній столикъ.

Купчиха Ситина осталась въ купе. Она постилась ради Страстной недѣли и теперь закусывала взятыми